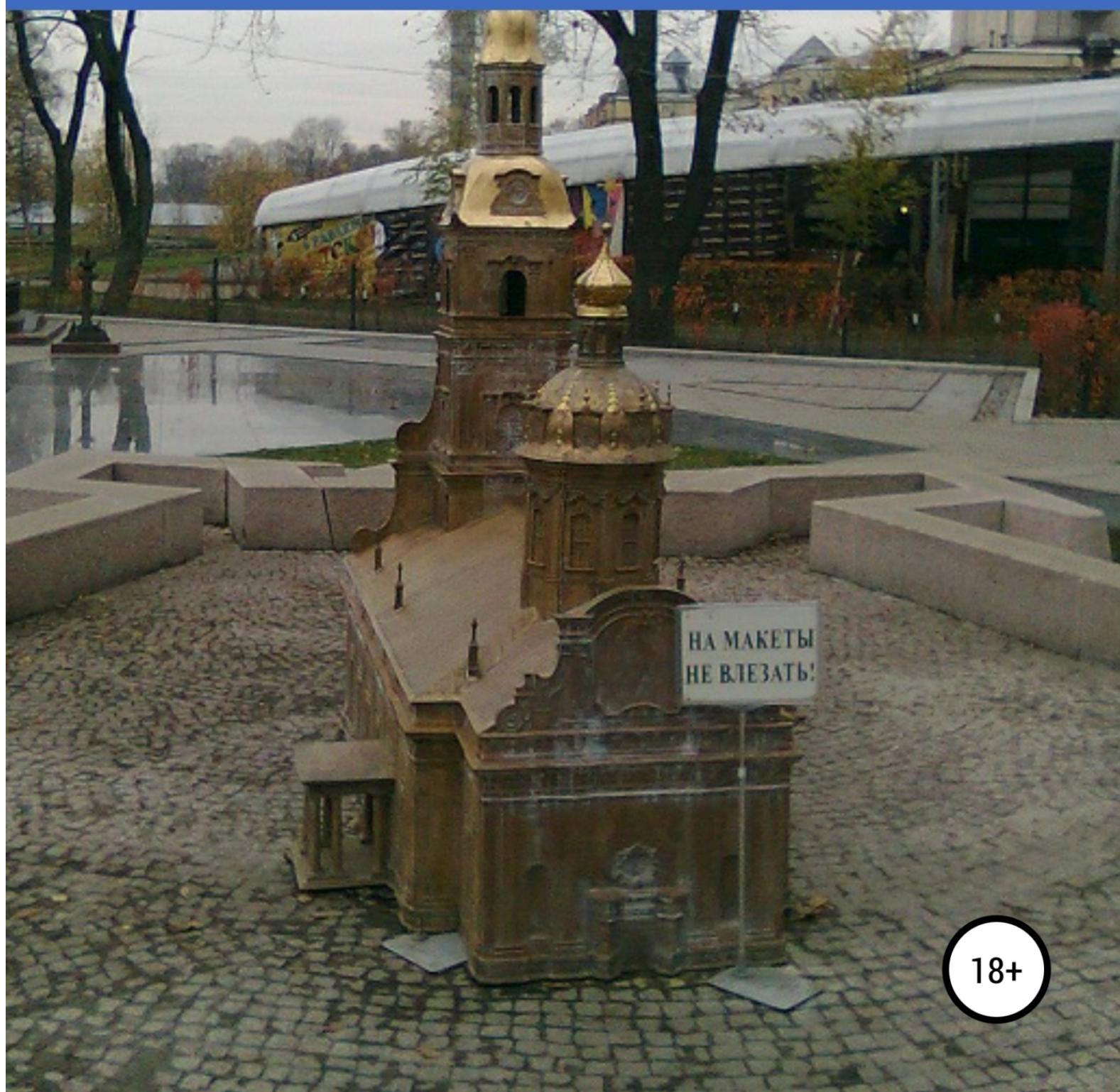

Валерий Сафронов

ПОДВОДНАЯ ЧАСТЬ АЙСБЕРГА

18+

Валерий Сафронов
Подводная часть айсберга

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Сафронов В. Ф.

Подводная часть айсберга / В. Ф. Сафронов — «ЛитРес:
Самиздат», 2021

Несколько забавных историй о том славном времени, когда мы ещё были молоды, и, как ни странно, слепо верили в светлое будущее, которое почему-то так и не наступило.

Валерий Сафронов

Подводная часть айсберга

ТРИ СОВЕТСКИХ СТУДЕНТА.

Студенты Гигиенического факультета – армянин, грузин и русский, субботним вечером отправились в ресторан. В былые времена, имея пять рублей, можно было нормально поужинать и выпить, между прочим, неплохо. С червонцем же ты вообще был финансово горд и независим, и мог заказать своей девушке бутерброд с икрой, шампанское и мороженое.

В общем, отдыхали они, эти три студента, за отдельным столиком, потихонечку выпивали, понемногу закусывали, поглядывали на лиц противоположного пола. Когда заиграли белый танец, к ним подскочили две девицы, по виду работницы с фабрики «Красная нить», цветущие, политически грамотные ткачихи. Они пригласили грузина и русского, армянин остался на месте. Он развалился в кресле, закинул ногу на ногу и, покуривая «мальборо», стал крутить на безымянном пальце перстень.

Слово за слово, русский разговорился со своей партнёршей, грузин вроде помалкивал. Между прочим, партнёрша спросила русского о его приятелях. Кто, мол, они такие, случайно не иностранцы? Русскому было и скучно, и грустно... накануне он поссорился со своей любимой девушкой, и чтобы как-то встряхнуться, стал плести какую-то чушь про то, что приятели его – эпидемиологи из Италии, приехали в Ленинград на симпозиум, а он – аспирант института Гриппа – их российский гид. И вообще сегодня он очень устал, поскольку с раннего утра показывал зарубежным гостям город со всеми его достопримечательностями, где они только не были, а сейчас вот зашли поужинать. Партнёрша выпучила глаза, и, потеряв к русскому всяческий интерес, принялась разглядывать армянина с грузином. Когда наступила музыкальная пауза, русский сел за столик и ввёл приятелей в курс дела. Те оживились.

– Как говорят в Италии? – спросил грузин, – С каким акцентом?

– Ваймэ! – сказал армянин, – Уж явно не с твоим акцентом, Нугзар! Так что ты лучше помалкивай, а разговаривать буду я: дольче бамбино, рагацци, удинезе-кремонезе, интернационале, беля чао! Ну как?

– Прекрасно! – сказал русский, поглядывая на соседний столик, за которым симпатичные ткачихи оживлённо обсуждали услышанную от него новость.

– То, что надо, Сурен! Ты разговариваешь, как неаполитанский мачо.

– Витя, а что он сказал? – не понял грузин.

– Перечислил названия итальянских футбольных клубов.

– Ва! И я так могу: Гурия Ланчхути, Динамо Тбилиси, Торпэдо Кутаиси!

Сурен захихикал, а Витя заметил:

– Не стоит, Нугзар. Лучше уж будь молчуном. Это романтичнее.

– Пачэму?

– Потому что у вас в Палермо всё так ходят!

Нугзар кончиком ногтя снял белую нитку с рукава кожаного пиджака.

– Палэрмо?

– Это в Сицилии, биджэ, не слышал?– снова захихикал Сурен и поправил на шее цепь из жёлтого металла.

– Всэх зарэжу! – Нугзар схватил столовый нож и наколол на него кусок хлеба.

Девушки едва дождались следующего танца. Оркестр не успел ещё толком грянуть про то, что: «У нас молодых впереди года, и дней золотых много для труда!», как Сурен и Нугзар были сметены со своих мест двумя особо бойкими барышнями, а к Витьке, похоже, утратился интерес. Ему даже стало обидно. «В конце концов, и я мог выдать себя за итальянца. Допустим из Милана... мой папа – концертмейстер из театра Ла Скала, а мама... кто же у меня мама? Ах, да! Мама служит в отделе кадров. Интересно, есть в театре Ла Скала отдел кадров?» Витька посмотрел на свои скороходовские штилеты и вздохнул. «Какой, на фиг, папа-концертмейстер?! Да и денежки уже тютю, всему есть предел, сколько же можно пить за чужой счёт...»

Витька посидел-посидел, опрокинул рюмку, закусил столичным салатом. Затем выкурил сигарету из суреновой пачки и отправился в гардероб, по дороге ловя себя на мысли, что внимательно слушает идиотскую песню о том, как «наши руки не для скуки, для любви сердца, для любви сердца, у которой нет ко-он-он- ца-а!»

Утром позвонил Нугзар.

– Слуший, брат, выручай! Мы толко из милиции. Кафе «Уголок» знаешь на Лиговском-шмыговском?!

Нугзара перебил Сурен:

– Да не «Уголок», а «Уголёк»! Прямо за углом... ай-яй-яй! Надо 100 рублей, а где их брать?!

– А я-то, откуда возьму?

– Займи у кого-нибудь... может, у мамы? Через три дня отдадим.

– И что я ей скажу?

– Скажи, что у Нугзарчика бабушка заболела...

– Думай, что говоришь, э-э?!

В трубке что-то шипело, гудело и ухало.

– Витя, генацвале, у Сурена калцо забрали и цеп! В милиции сказали, что своровал. Слуший, какой своровал?! Это он у Акопа калцо взял, а цеп брат двоюрОдний дал...

– Пока штраф не заплатим, сказали, не отдадут! Ай-яй-яй...

«Всё правильно, маме кадровице папа концертмейстер как раз только вчера получку принёс. Мама, правда, всё переживала, что денег маловато...»

Через час Витька был на Лиговке. Сурен и Нугзар заплатили штраф, им вернули цепочку и перстень. Из милиции вышли беззлобно переругиваясь.

– Говорил я, что к тебе надо ехать, а он: «обчежитие, обчежитие...»

– Какой ко мне, слуший?! Квартирная хозяйка последний раз говорила, чтобы не было никаких баб!

– Сначала всё нормально было. Приехали в общежитие, достали вино, фрукты...

– Бутылку портвейна и три мандарина.

– Выпиваем, туда-сюда, танцы-шманцы, да? Ткачихи про Италию спрашивают, я конечно, про Везувий им рассказал, затем про собор святого Петра Первогою

– Слуший, какого Петра Первого, э?! Ты им про Вэнэцию врал, что по улицам одни шлупки едут и эти, гандоны.

– Гондолы, вайме?!

– А дальше? – спросил Витька.

– А дальше пришли какие-то мужики. Какие, говорят, это итальянцы? Грузины с рынка! Нугзар орёт: «Орёл с говном нэ разговаривает, грузин на рынке нэ торгует! Там живут азербайджанцы!»

– А те отвечают, для нас одна хрень, потому что все вы только и делаете, что наших девок лапаете!

– Настоящие ткачи! Зарэжу!

– И что?

– Что-что?! Комендант прибежал, мат-перемат, ай-яй-яй! Этот коменданту поджопника дал. Такое началось: бокс, борьба, олимпийские игры!

Сурен схватился за грудь, затем пощупал пульс и промокнул носовым платком выступившие на лбу капли.

– В общем, не целованные, так и ушли?

– Какой поцелованный? Я говорю, зачем это делаешь, милиция-шмилиция?! Может, я на нём жениться хочу.

– Это на ком, на коменданте?! – не понял Витька.

– На нём, на этом, на ткачихе.

– Зря.

– Сам знаю, что зря! Менты руки заломали, пиджак порвали. Я пиджак и джинсы у Гоги брал, что я ему теперь объясню?

– Скажешь, что заступался за честь девушки.

– Какого девушки, слуший?! – от волнения Нугзар стал путать русские и грузинские ругательства, затем распахнул пальто.

– Вот, посмотри, э?

На пиджаке отсутствовал правый рукав, виднелось одно волосатое предплечье и татуировка с символикой военно-воздушных сил и надписью «Север». Некоторое время шли молча. Затем Сурен сказал:

– Ты, Витя, во всём и виноват. Зачем это придумал?! Итальянцы, итальянцы, а сам ушёл.

– Больше не буду.

Зашли в метро. Роясь в карманах, долго искали мелочь. Затем опустили пятаки в щель автоматов и поехали вниз по эскалатору. Возле перехода с Площади Восстания на Маяковскую разошлись в разные стороны.

– Ну, пока. Деньги через неделю отдадим.

– На лекции завтра не забудь отметить.

– Сам не забудь.

КАК РАБОЧИЕ ЛЮБИЛИ КИРОВА.

В советские времена в Ленинграде, где Кирова только не было. Его именем даже академический театр оперы и балета был назван, вероятно, как лучшему другу всех балерин, не считая стадиона, дворца культуры, проспекта, района, моста и бог знает ещё чего. Сейчас остались лишь Кировский завод, небольшая улица, площадь и несколько памятников. Один, самый внушительный, до сих пор стоит на площади своего имени. В форменном картузе, пальто нараспашку, со вскинутой правой рукою, спиной к бывшему Кировскому райсовету. Архитектором данного проекта был некто Н.А. Троцкий *. Имел ли Ной Троцкий какое-либо отношение к Льву Троцкому, неведомо. Ну, да и бог с ними.

Всегда считалось, что ленинградские рабочие очень любили Кирова.

То есть, буквально души в нём не чаяли. А после каждого публичного выступления натурально стаскивали с трибуны и уносили куда-то на руках.

А уж когда в конце 34 года на Кирова напал троцкист Николаев, вроде как из ревности высадив в него всю обойму из нагана, то и вовсе пролетарская любовь, словно разбушевавшаяся Нева, вышла из берегов и устремилась к иным рубежам, охватив всю страну. Одних городов, связанных с именем Кирова насчитывалось потом никак уж не меньше десятка, появились даже Кировоград, Кировобад и Кирово-Чепецк. А писательница Антонина Голубева увековечила, спустя годы, героику борьбы и подвига Кирова в диалогии: «Мальчик из Уржума» и «Рассказы о Серёже Кострикове».

В 1970 году страна и всё прогрессивное человечество с чувством небывалого подъёма подходило к столетнему юбилею Ленина. Поэтому вселенская любовь рабочих к Кирову стала неактуально и отошла на второй план.

В один из хмурых мартовских дней электромонтажники тянули проводку через проспект Стачек, который пересекал Кировскую площадь в Питере. Вначале при помощи монтажного пистолета рабочие загоняли в стену дома специальный гвоздь, а после приспособливали к нему кронштейн, на который закреплялся металлический провод. Работа сложная, если учесть, что связана с высотой, да ещё ветер и снег. К одиннадцати часам утра все продрогли, и бригадир отправил самого молодого монтажника в ближайший гастроном. Слегка разогрев традиционным способом себя изнутри, работники приступили, было, ко второй части своей юбилейной трудовой вахты, как вдруг выяснилось, что закончились какие-то детали для крепежа провода. То ли специальные скобки, то ли ещё что-то. Зато гвоздей для монтажного пистолета, хоть на моржовый промысел с ними иди. Уселись они на лавочке в сквере, перекурить, а в метрах двадцати перед ними сам Киров на постаменте во всей своей большевистской красе, который тут же и привлёк их внимание.

– Интересно, из чего сделан Киров, из гранита? – спросил самый молодой монтажник.

– Разбежался! – проворчал монтажник средних лет, – Не иначе, бронзовый он, или вообще, из титана.

– Дык, сейчас проверим! – сказал бригадир и зарядил гвоздь в пистолет.

«Дзды-ы-ы-ннь...» – металлически отозвался Киров, после того как бригадир нажал на курок.

– Не понял, – хмыкнул бригадир, – Станный какой-то звук, но на титан явно не тянет.

– Дай-кась, – попросил монтажник средних лет, и вторично засадил по памятнику.

«Дзду-у-уууу-уннь...» – понизив тональность, обиделся Киров, и самому молодому монтажнику даже показалось, что памятник сурово насупил брови.

– Стальной... – заключил бригадир, убирая пистолет в сумку.

– Дайте мне, дяденьки, последний разок, – стал умолять бригадира молодой монтажник, поскольку в нём ещё не угас интерес исследователя. На сей раз памятник издал какой-то лязгающий звук, вероятно гвоздь угодил в гранитный постамент, но в эту секунду перед ними затормозил милицейский наряд, и рабочих отвезли в кутузку.

– Знаете, какой срок вам полагается за вандализм? – спросил их следователь.

Монтажники не знали, а следователь уточнил:

– До пяти лет. А если учесть, что порчу памятника герою революции вы учинили накануне юбилея товарищу Ленину, то вам ещё и добавят, как антисоветчикам.

В общем, перспектива вырисовывалась невесёлая. Дело, наверное, и сразу бы могло разрешиться, и рабочих бы отпустили, скорее всего, накостыляв им для порядка по шее, но неприятность заключалась в том, что наклепал на них какой-то персональный пенсионер, разглядевший из окна, как монтажники палят своими гвоздями по памятнику. И, кроме всего прочего, оказались затронутыми личные чувства пенсионера к Сергею Мироновичу, и он в красноречивом заявлении на имя прокурора города потребовал сурового наказания ревизионистско-троцкистским наймитам.

– Если будет надо, я и до Смольного дойду, но этого дела так не оставлю! – грозил поклонник Кирова в отставке.

В конце концов, дело дошло до идеологической комиссии Горкома КПСС.

– Вы там что, все с ума посходили?! – разорались в Горкоме на следователей, – Работягам политику шьёте? Срочно выпустить!

– А с какой квалификацией?

– Да с любой! Оформите мелкое хулиганство, и коленом под зад. Хоть бы внимательнее посмотрели, как бригадира монтажников зовут... Владимиром Ульяновым! Это, что же получается, Владимир Ульянов, и палил в Кирова?!

– И, главное дело, что накануне своего юбилея, – хохотнули следователи.

– Что?! – не поняли в Горкоме.

– Да это мы так, про себя...

Выпустили их, конечно. И, говорят, бригадира Ульянова даже к награде потом представили. Такие вот метаморфозы с этим памятником. А что, до сих пор стоит, и никому вроде бы не мешает...

* Ной Абрамович Троцкий, советский архитектор. Помимо проекта Кировской площади им так же разработан проект Большого дома на Литейном.

** Антонина Григорьевна Голубева, советская писательница. В сталинские времена – Лаурет госпремии за рассказы о Кирове.

МЕСТО ДУЭЛИ.

Хорошо ходить пешком. Особенно, когда на улице погожий июньский денёк. Повсюду свежесть листвы, на асфальтированных дорожках тополиный пух, в окружающем пространстве кратковременный шум убегающей электрички, на смену которому является статичный гул пикирующих над цветами шмелей.

Возле железнодорожного переезда, что на станции «Новая деревня», одного прохожего средних лет, идущего бодрой походкой и чему-то добродушно улыбающегося, останавливает долговязый незнакомец с унылым лицом и стеснительными манерами.

– Можно вас спросить, уважаемый?

«Не иначе, денег сейчас попросит...» – думает прохожий, – «Как же они надоели, эти алкаши! То в метро кланчат, то в магазине... теперь вот, и здесь стали привязываться».

– Я извиняюсь...

«Хотя, вряд ли. На попрошайку долговязый не похож, рубашка чистая, штиблеты модные, на шее цепь...»

– Видите ли...

«Уборную, наверное, ищет. А я-то, откуда знаю?!»

– Я бы хотел у вас спросить...

«Интересно, а где здесь уборная-то? На платформе нет ни единого здания».

– Мой вопрос несколько необычен...

– Даже и не знаю, что вам ответить... – разводит руками Прохожий, – Если только где-нибудь в придорожных кустах сможете разрешить этот свой необычный вопрос.

– Что вы сказали? Да нет, – машет рукою Долговязый. Не в этом дело.

– Тогда, в чём же?

– Я бы хотел у вас узнать, где находится... место дуэли Пушкина?

– «А почему не дом старухи-процентщицы?!» – про себя усмехается Прохожий, но тут же напускает на себя солидности.

– Только и всего-то? А я уж было подумал... так оно здесь и находится. Вот, через дорогу сквер с тополями и липами, а посередине памятник! Видите, там скамеечки ещё?

– А почему, тогда говорят, что место дуэли на канавке Чёрной речки? – не отстаёт Долговязый.

– Ну, так недалеко и Чёрная речка, вон, метров двести. Только там вроде бы никогда не было никакой канавки...

– Вот там?! А где ж тогда лебеди?..

– Какие ещё лебеди?

– Ну, те самые, в канаве, в канавке... ведь говорят же, что место дуэли было именно возле канавки на Лебяжьей набережной Чёрной речки, напротив Сенатской площади?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.